

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7(075.8)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР
КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Гостенина В.И., Лифанова Т.Е., Райц В.Е.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальная проблема молодежных субкультур как неотъемлемой части современного социально-культурного ландшафта. Авторы рассматривают функции субкультур: обеспечение социализации, локализация протеста, стимулирование культурного разнообразия и инноваций. В то же время в статье показаны и риски (маргинализация, конфликты). Авторы полагают, что изучение субкультур в молодежной среде критически важно для понимания динамики современного общества и механизмов формирования групповой идентичности. В статье исследованы понятие, виды и история возникновения субкультур. Авторы считают, что субкультура — это устойчивая подсистема в рамках доминирующей культуры, объединяющая группы людей (чаще молодежи) на основе специфических ценностей, норм, стиля жизни, символики и практик, отличающихся от общепринятых; субкультура возникает как реакция на социальные, экономические или культурные изменения, потребность в самовыражении, протесте или поиске идентичности вне магистрального общества. Современное общество, при всей своей сложности и устойчивости, оказывается уязвимым перед вызовами, исходящими от агрессивных молодежных субкультур. Их деятельность не сводится лишь к маргинальным выходкам; она порождает глубокие и многомерные угрозы, способные подтачивать фундаментальные основы общежития, поэтому проведено социологическое исследование, на основе которого сделаны выводы о негативных и позитивных сторонах молодежных субкультур. Авторами даны рекомендации по устранению угроз с помощью социальных технологий.

Ключевые слова: субкультура, молодежь, риски, агрессия, социологическое исследование, социальные технологии.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-47-61

Актуально рассмотрение вопросов, связанных с понятием «субкультура», которое широко используется сегодня как научный термин (в культурологии, социологии, психологии), как инструмент в педагогической практике и как элемент самоидентификации молодежи. На сегодняшний день выделяют две ключевые трактовки понятия «субкультура»: расширительную (широкую) и ограничительную (узкую). В широком смысле «субкультура» — это культурные особенности любой группы, выделяющейся внутри национальной культуры и обычно объединенной каким-либо социальным признаком: этническим происхождением (русские эмигранты в США, коренные народы, живущие на территории России), религией (католики или православные христиане в протестантском обществе), профессией (врачи, летчики, военные и т.д.), возрастом (дети, пенсионеры) — или совокупностью таких признаков [1].

В качестве рабочего мы примем узкое определение «субкультуры», как наиболее релевантное для научно-методологических основ социальной работы с представителями субкультур применительно к молодежи как страте: «Молодежная субкультура - это эзотерическая, эскапистская, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя; это «элитарная» культура, нацеленная на включение молодых людей в общество; это - частичная культурная подсистема внутри системы «официальной», базовой культуры общества, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет (то есть мировосприятие, умонастроение) ее носителей» [1].

2010-ые запомнились взрывным разнообразием и сильным западным влиянием. Доминировала эстетика хипстерства: урбанистический стиль (бороды, очки-велосипеды, винтаж), культ локальной еды и кофе, инди-музыка, велосипеды и коворкинги [8; 9]. Расцвели блогерство и стриминг, породив целую экосистему молодых медиа-звезд и их поклонников. Возродился интерес к рэп-культуре, превратившейся из андеграунда в мощный

мейнстримный тренд с огромными концертами и социальным посылом. Появились и нишевые движения: киберпанк/пост-апокалипсис с характерным стилем, паблики ВКонтакте (типа «Подслушано»), формировавшие особый язык и юмор [10]. Общий дух эпохи – открытость миру, эксперименты с идентичностью, вера в силу комьюнити и медиа, смесь эскапизма с мягким социальным протестом. Субкультуры были хорошо видны в городской среде и онлайн.

Начало 20-ых годов резко изменило ландшафт. Пандемия COVID-19 нанесла удар по офлайн-жизни, загоняя общение в онлайн [18] и усиливая изоляцию. Затем специальная военная операция и геополитическая изоляция привели к массовому оттоку части активной молодежи и творческой интеллигенции, закрытию многих независимых медиа и культурных площадок, ужесточению законодательства и общественной атмосферы. Это вызвало глубокую фрагментацию субкультурного поля. Видимые уличные субкультуры значительно ослабли. На первый план вышел гиперонлайн, особенно TikTok-культура с ее челленджами, микротрендами и быстрой сменой контента. Возникли «сообщества по интересам» – не столько субкультуры в классическом смысле, сколько узкие цифровые тусовки вокруг игр (Genshin Impact), аниме, крипты, DIY-проектов или даже курсов по профессиям. Уцелевшие активистские группы ушли в глухое подполье или переформатировались в менее заметные форматы взаимопомощи. Появился запрос на «новую искренность» и психологию (как реакция на стресс). В мейнстриме усилились патриотические и традиционалистские молодежные движения, поддерживаемые государством («Большая Перемена», «Движение Первых»). В целом, преобладает прагматизм: фокус на карьере, образовании, психологическом выживании и цифровом самовыражении, часто аполитичном [15]. Субкультуры стали менее заметными физически, более разрозненными и зависимыми от цифровых платформ [19].

При сравнении двух десятилетий видна радикальная трансформация. 2010-е были эпохой относительной открытости, экспансии и визуальной яркости. Субкультуры активно формировали публичную сферу, вдохновлялись глобальными трендами, экспериментировали с идентичностью и социальными вопросами, часто в игровой или эстетизированной форме. 2020-ые стали временем вынужденной консолидации, фрагментации и ухода в цифровое подполье. Внешние шоки (пандемия, геополитика) резко сузили пространство для публичной субкультурной жизни. Глобальное влияние сменилось изоляцией, экспрессивность – прагматизмом и осторожностью, видимые уличные сообщества – разрозненными онлайн-тусовками и государственно-патриотическими проектами [5; 6].

Субкультуры, рассматриваемые в социальной работе, могут быть классифицированы по разным критериям: по отношению к основной культуре (просоциальные, асоциальные, антисоциальные); по типу интересов (музыкальные, спортивные, арт-субкультуры и т.д.); по направлению (анархо-нигилистические, развлекательно-гедонистические, романтико-эскапистские) и другим. Эта классификация помогает структурировать понимание, но, чтобы по-настоящему работать с представителями этих групп, социальному работнику важно осознавать, почему они возникают. История возникновения субкультур напрямую связана с этими классификационными признаками: они рождаются как ответы на социальные, экономические, технологические или культурные вызовы своего времени. Например, протестные (антисоциальные/анархо-нигилистические) субкультуры часто возникают в периоды острых социальных конфликтов или ощущения несправедливости (панки в 70-е), тогда как романтико-эскапистские (хиппи, толкиенисты) — как реакция на избыточный рационализм или политическую напряженность, предлагая уход в мир идеалов или фантазий. Понимание этих исторических корней позволяет увидеть мотивы и потребности, стоящие за внешними признаками субкультуры [11; 17].

История появления молодежных субкультур в российской действительности начинается с эпохи СССР. Одним из первых проявлений данного направления стали «стиляги» (самоназвание – «штатники») (конец 40-х годов XX века), идейным ядром

субкультуры стали такие музыкальные направления, как джаз и рок-н-рол, что противоречило официальной политике в области молодежной культуры. Стиляг отличала аполитичность, цинизм в суждениях, отрицательное отношение к определенным нормам советской морали.

В период 1960-х – 1970-х годов на территорию Советского Союза проникает и начинает распространяться субкультура, известная под названием «хиппи» (термин происходит от английского *hippy* или *hippie*, корни которого, в свою очередь, восходят к разговорным словам *hip* или *her*, означающим «понимающий, знающий» или «посвященный»). Это молодежное движение, изначально зародившееся в Соединенных Штатах Америки, принесло с собой радикально иную систему ценностей. Его последователи активно пропагандировали идею возвращения к естественной гармонии и чистоте человеческих отношений. Главными инструментами для достижения этой цели они провозглашали всеобъемлющую любовь и ненасилие, то есть пацифизм, а также абсолютную личную и социальную свободу. Самый известный лозунг хиппи «*Make love, not war*» (в переводе «Занимайтесь любовью, а не войной») ярко выражал их пацифистскую и гедонистическую философию. Однако основополагающий принцип движения – безграничная свобода личности и отказ от традиционных социальных рамок – вступал в непримиримое противоречие и создавал резкий контраст с господствующей в СССР жесткой государственной идеологией марксизма-ленинизма. Эта идеология основывалась на коллективизме, строгой дисциплине, подчинении личных интересов общественным и активном участии в строительстве коммунизма под контролем партии, что делало ценности хиппи не просто чуждыми, но и глубоко враждебными официальной советской системе.

В 2000-е годы в молодежной культуре происходят значительные изменения. Выросло количество субкультурных групп, объединенных новыми, иногда необычными, видами деятельности, такими как ролевые игры, файер-шоу, фотокросс, паркур, стрит-данс, граффити, пейнтбол и т.д.

Исторически субкультуры появлялись в периоды трансформаций (послевоенные годы, конец XX века), часто в городской среде и с развитием новых медиа/технологий. Их виды чрезвычайно разнообразны: от музыкальных (хиппи, панки, рэперы) и спортивных (скейтеры, ББ-бойцы) до интернет-сообществ (киберпанк, гики), криминальных (гопники) и этнических групп. Каждая субкультура вырабатывает уникальные культурные коды (сленг, мода, музыка, артефакты), маркирующие принадлежность.

Понимание причин возникновения субкультур требует обращения к ключевым теоретическим концепциям. Одной из ранних и влиятельных концепций является структурно-функционалистский подход, наиболее ярко представленный работами Альберта Коэна. Коэн, изучая подростковую делинквентность, предложил теорию статусной фрустрации и коллективных решений. Он утверждал, что субкультуры возникают прежде всего среди молодежи из низших социальных слоев, которые испытывают фрустрацию из-за невозможности достичь общепризнанных целей (успех, богатство, статус) институционализированными средствами (образование, карьера) в силу структурного неравенства. В ответ на это чувство неудачи и низкий статус группы создают собственные альтернативные системы ценностей и статусные иерархии, где поощряется поведение, осуждаемое доминирующей культурой (например, дерзость, вандализм, неподчинение). Таким образом, субкультура предоставляет своим членам замену общепринятым целям и средствам, давая чувство принадлежности и уважения в своей среде через отрицание господствующих норм. Субкультура здесь выступает как коллективный ответ на структурное давление [7].

Конфликтологические теории, особенно развитые в рамках Бирмингемской школы культурных исследований (CCCS), сместили акцент на вопросы власти [16], идеологии и сопротивления. Ученые Стюарт Холл, Тони Джефферсон и Дик Хэбдидж рассматривали послевоенные молодежные субкультуры (моды, панки, тедди-бои, скинхеды) в Великобритании как формы символического сопротивления господствующему социальному

порядку и культурной гегемонии. Субкультуры интерпретировались как попытки рабочего класса, особенно молодежи, разрешить структурные противоречия (классовые, расовые, поколенческие), с которыми они сталкивались, через стиль. Их специфические практики – музыка, одежда, сленг, ритуалы – понимались как «символические побеги», как попытки магическим образом разрешить неразрешимые на практике проблемы или выразить коллективную идентичность, отличную от навязываемой. Субкультурный стиль был как семиотическая битва, «нарушение смысла», бросающее вызов доминирующим кодам через практики бриколажа (создания нового из обломков доминирующей культуры). Возникновение субкультур связывалось с кризисами, усилением социального контроля и поиском способов выражения групповой автономии.

Развитием и критикой подхода CCCS стала концепция нео-племен (или пост-субкультур), предложенная Мишелем Маффесоли. Он утверждает, что в условиях позднего модерна (постмодерна) традиционные, жестко структурированные классовые субкультуры уступают место более эфемерным, текучим и эмоционально-ориентированным социальным образованиям – «нео-племенам». Эти группы основаны не столько на общности социального положения или идеологии сопротивления, сколько на совместных аффективных переживаниях, стиле жизни и временных привязанностях (например, участники фестивалей, клубные тусовки, спортивные фанаты). Возникновение таких образований связано с фрагментацией идентичности, ослаблением традиционных социальных связей (класс, семья) и поиском новых форм социальности и «чувства общности» в индивидуализированном обществе. Акцент смещается с сопротивления на совместное переживание «эмоциональной общности» в определенных местах и в определенное время. Эта теория подчеркивает временный и ситуативный характер многих современных субкультурных объединений.

Пьер Бурдьё внес значительный вклад пониманием роли культурного капитала и габитуса [4]. С его точки зрения, субкультуры можно рассматривать как поля, в которых формируются и отстаиваются специфические формы культурного капитала (знания, навыки, вкусы, стиль), отличные от легитимированных доминирующей культурой. Членство в субкультуре и освоение ее кодов позволяет аккумулировать этот особый капитал, конвертируемый в статус и признание внутри группы. Габитус членов субкультуры – система диспозиций, формируемая их социальным происхождением и опытом, – предрасполагает их к восприятию и воспроизводству именно этих субкультурных практик и вкусов. Субкультуры возникают как пространства, где альтернативный культурный капитал получает признание и ценность, предлагая путь к социальному отличию (дистинкции) тем, кто исключен или маргинализирован в борьбе за доминирующие формы капитала. Таким образом, их появление связано с социальной дифференциацией и борьбой за символическое признание.

Современные исследователи также подчеркивают роль медиа и технологий не просто как каналов распространения, но как конституирующих факторов в возникновении и эволюции субкультур [12; 14]. Интернет, социальные сети, нишевые медиаплатформы позволяют формироваться сообществам на основе общих интересов независимо от географической локации, ускоряют обмен символами и практиками, делают субкультурную идентичность более гибкой и фрагментированной [2; 3]. Цифровая среда способствует как глобализации стилей, так и локализации микросообществ. Теории возникновения теперь должны интегрировать анализ того, как цифровые платформы создают инфраструктуру для новых форм субкультурной организации и идентичности.

Анализ теоретических подходов к возникновению субкультур позволяет выявить их принципиальную многомерность. Исследователи сходятся в том, что субкультуры формируются как коллективный ответ на определенные социальные условия, но расходятся в понимании движущих сил и механизмов этого процесса.

Ключевые объяснительные модели выделяют разные аспекты. Одна группа теорий акцентирует внимание на структурном давлении и адаптации: субкультуры возникают как альтернативные системы ценностей и статусов для групп, испытывающих фрустрацию или

исключение из доминирующих социальных структур, предлагая новые пути достижения признания и солидарности. Другие концепции делают упор на символическом сопротивлении и конфликте, интерпретируя субкультурные практики (стиль, ритуалы) как форму выражения групповой идентичности, отличной от навязываемой, и как способ магического разрешения структурных противоречий общества. Третье направление подчеркивает поиск общности и эмоциональной связи в условиях фрагментации современной жизни, рассматривая субкультуры как эфемерные «племена», основанные на общих аффективных переживаниях и стиле жизни, а не на жесткой идеологии. Отдельно рассматривается роль культурного капитала и социального позиционирования, где субкультура выступает как поле накопления и реализации специфических знаний, вкусов и практик, конкурирующих с доминирующими.

Таким образом, возникновение субкультур не сводится к единой причине. Это сложный процесс, детерминированный взаимодействием макросоциальных факторов (неравенство, кризисы, культурная гегемония), потребностями индивидов в идентичности, признании и автономии, а также возможностями для коммуникации и формирования сообществ. Понимание этих разнообразных теоретических перспектив является фундаментальным для осмысления места и функций субкультур в динамике общественного развития.

Современный социальный ландшафт немислим без пестрого многообразия молодежных субкультур. Однако за внешней атрибутикой и стремлением к обособленности некоторых из них скрывается не просто бунт или поиск идентичности, а активная деструктивная программа [13]. Речь идет об агрессивных молодежных субкультурах – специфических сообществах, для которых культивирование насилия, ненависти, ксенофобии и открытого противостояния общественным нормам и закону становится не побочным эффектом, а ядром их идеологии и практики. Эти группировки трансформируют внутреннюю групповую солидарность в агрессию вовне, направленную на социальные институты, иные группы населения или просто случайных людей. Их деятельность давно перестала быть маргинальным феноменом, представляя собой реальную и многогранную угрозу для безопасности граждан, общественного порядка, психологического климата в обществе и его базовых гуманистических ценностей. Идеология превосходства, оправдание жестокости, пропаганда экстремистских взглядов и прямое участие в актах вандализма или насилия – вот лишь видимые вершины айсберга. Гораздо опаснее может быть их скрытое, разъедающее влияние: нормализация ненависти, эрозия эмпатии, вовлечение психологически уязвимой молодежи в сети радикализации, где чувство принадлежности подменяется готовностью к разрушению. В условиях социальной напряженности, кризисов идентичности и взрывного роста возможностей цифровой коммуникации, облегчающих вербовку и координацию, проблема агрессивных субкультур приобретает особую остроту. Необходимо подвергнуть детальному анализу саму природу этой угрозы: исследовать истоки и идеологические основы подобных сообществ, механизмы вовлечения и манипуляции сознанием молодежи, спектр их деструктивных проявлений и, что критически важно, оценить масштаб и глубину воздействия этих субкультур на ткань современного общества. Понимание этой опасности – первый и необходимый шаг к поиску эффективных путей ее нейтрализации.

Первой и наиболее очевидной гранью этой опасности выступает деструктивность. Это не просто склонность к разрушению, а системное культивирование насилия как нормы взаимодействия, как способа самоутверждения и решения проблем. Агрессия направляется вовне – на представителей иных групп, случайных прохожих, символы общественного порядка или частную собственность. Физическое насилие, акты вандализма, запугивание становятся рутинной (жертвы драк с тяжелыми травмами, оскверненные мемориалы, разгромленные остановки общественного транспорта). Параллельно идет разрушение личности самого участника: деформация системы ценностей, эрозия эмпатии, привыкание к жестокости, усвоение идеологий ненависти (ксенофобия, расизм, религиозная

нетерпимость). Эта внутренняя деструкция неизбежно ведет к криминализации – вовлечению в грабежи, разбои, распространение запрещенных веществ, деятельность, санкционированную организованными преступными группами (молодые люди с реальными уголовными сроками за экстремизм или тяжкие насильственные преступления). В итоге, деструктивность оставляет за собой шлейф физических и психологических травм, материального ущерба и исковерканных судеб.

Второй пласт угрозы – социальная дестабилизация. Агрессивные субкультуры действуют как фактор, постоянно раскачивающий лодку общественного спокойствия. Их присутствие и активность создают атмосферу перманентной напряженности и страха, особенно в локальных сообществах, где они базируются. Родители боятся отпускать детей вечером, жители определенных районов чувствуют себя незащищенными (постоянное чувство тревоги у жителей района, где орудует группировка, отказ пожилых людей выходить из дома после нападений). Открытые столкновения с другими группировками или с силами правопорядка, спровоцированные конфликты на почве межгрупповой ненависти – все это дестабилизирует общественный порядок, перегружает правоохранительную систему, подрывает доверие граждан к способности государства обеспечивать базовую безопасность (массовые драки на национальной почве, спровоцированные субкультурными группировками, регулярные столкновения с полицией во время «сходок»). Ксенофобская и экстремистская риторика [13], активно распространяемая такими сообществами, особенно в онлайн-среде, становится катализатором социальных конфликтов, углубляет расколы по этническому, религиозному или идеологическому признаку, создавая питательную среду для более масштабных социальных потрясений (всплеск националистических настроений среди молодежи, рост числа зафиксированных преступлений на почве ненависти, связанных с членами субкультур).

Третья угроза, не менее опасная, – социальная дезинтеграция. Агрессивные субкультуры функционируют как мощные центробежные силы. Они сознательно противопоставляют себя «системе», основному обществу, его ценностям и институтам. Главная цель – не просто обособление, а создание замкнутых анклавов, живущих по своим, часто антисоциальным, законам. Участники таких групп активно разрывают или ослабляют связи с традиционными агентами социализации: семьей (конфликты с родителями, уход из дома), школой или вузом (прогулы, отчисление за асоциальное поведение), позитивными молодежными сообществами. Внутри субкультуры формируется жесткая групповая солидарность, основанная на лояльности «своим» и враждебности к «чужим», что заменяет более широкие социальные связи (молодой человек полностью разрывает отношения с семьей, подчиняясь правилам группировки; отказ от общения со старыми друзьями, не входящими в субкультуру). Это ведет к глубокой изоляции участников от общества, потере навыков конструктивного взаимодействия за пределами своей группы. Более того, сама идеология таких субкультур направлена на подрыв базовых общественных ценностей: толерантности, уважения к закону, человеческого достоинства, диалога. Происходит эрозия социального капитала, разрушаются невидимые нити, связывающие людей в единое общество (утрата доверия между разными социальными и этническими группами в городе из-за деятельности националистических банд; молодежь, не видящая ценности в законопослушной жизни и общественном согласии).

Наконец, четвертая угроза – дисфункция. Она проявляется на двух уровнях. На уровне общества агрессивные субкультуры представляют собой социальную патологию, мешающую нормальному функционированию общественного организма. Энергия и потенциал значительной части молодежи, вместо того чтобы направляться на созидание, обучение, профессиональное становление, реализацию творческих идей, поглощаются деструктивной деятельностью в рамках субкультуры (талантливый подросток бросает учебу и спорт ради «служения» группировке; молодые люди тратят время и силы на планирование акций вандализма вместо поиска работы или саморазвития). Это приводит к воспроизводству маргинальности, хроническому социальному неблагополучию, росту нагрузки на

социальные службы и пенитенциарную систему. На индивидуальном уровне дисфункция выражается в катастрофической деформации жизненного пути молодого человека. Участие в агрессивной субкультуре блокирует нормальное психосоциальное развитие, формирование здоровой взрослой идентичности, приобретение необходимых для жизни в обществе навыков и компетенций. Разрушаются образовательные и карьерные перспективы, накапливается негативный опыт (конфликты с законом, судимости), формируется искаженное восприятие реальности и отношений (молодой человек с высшим образованием не может устроиться на работу из-за криминального прошлого в субкультуре; выпускник школы с выжженной от насилия и ненависти душой, неспособный к эмпатии и построению здоровых отношений). Вместо интеграции в общество как полноценного и ответственного гражданина происходит глубокая социальная дезадаптация, последствия которой могут сказываться годами, а иногда и всю жизнь, превращая потенциально полезного члена общества в его обузу или прямую угрозу.

Агрессивные молодежные субкультуры - это не просто бунт против общества, а реальная и серьезная проблема для всего социума. С ней нужно бороться профессионально и точно. Часто молодые люди попадают в эти группы, когда теряют себя, ищут, где почувствовать себя своими, или злятся из-за несправедливости вокруг.

Чтобы по-настоящему снизить эти угрозы, нужно работать с причинами. Работать с самими молодыми людьми, которые уже внутри этих опасных сообществ или на грани вступления. Именно здесь на первый план выходят технологии социальной работы. Их главная задача – предложить выход из тупика злобы и насилия. Как? Через индивидуальную поддержку, групповую работу, помощь психолога, программы возвращения к нормальной жизни (ресоциализацию) и меры, чтобы другие не попали в эту ловушку (профилактику).

Работа с молодежью, затронутой влиянием агрессивных субкультур, требует особого подхода, учитывающего их специфику: часто недобровольный статус клиентов, глубокие личностные кризисы, сильную зависимость от групповой идентичности и возможную криминализацию. Основываясь на ключевых направлениях социальной работы, арсенал технологий здесь фокусируется на нескольких взаимосвязанных уровнях.

Индивидуальная социальная работа выступает фундаментом, направленным на помощь конкретному молодому человеку. Ее цель – помочь ему осознать мотивы своего пребывания в субкультуре, оценить последствия этого выбора и наметить альтернативный жизненный путь. Начинается все с глубокой социальной диагностики – тщательного изучения ситуации клиента. Специалист использует такие методы, как проективное интервью, чтобы понять корни вовлечения, оценить семейный фон, психологическое состояние и правовые риски. Особую сложность представляют недобровольные клиенты – те, с кем соцработник сталкивается по направлению от комиссий по делам несовершеннолетних, полиции или специальных учреждений. Важнейший инструмент – социальное консультирование, где специалист предоставляет жизненно важную социально-правовую и социально-психологическую информацию, помогая представителю агрессивной молодежной субкультуры разобраться в своих чувствах и мотивах. Осторожно, но эффективно может использоваться интерпретация и конфронтация: специалист мягко помогает клиенту увидеть противоречия между его декларируемыми ценностями (например, «группа – это моя настоящая семья») и реальными последствиями его действий (потеря связи с биологической семьей, угроза тюремного срока). Успешная конфронтация может перерасти в самоконфронтацию, когда клиент сам начинает искать и анализировать свои противоречия, что открывает путь к более глубоким терапевтическим беседам. Завершающим этапом индивидуальной работы часто становится планирование интеграции в позитивную группу.

Групповая социальная работа дополняет индивидуальную, воздействуя на саму динамику межличностных отношений. Ее задача – изменить групповые нормы, развить навыки конструктивного взаимодействия и поддержать отказ от деструктивных паттернов. Центральное место здесь занимают терапевтические группы, специально созданные для бывших участников агрессивных субкультур или молодежи из группы риска. В безопасной

атмосфере таких групп участники учатся развивать эмпатию, осваивают техники ненасильственного общения и разрешения конфликтов, критически переосмысливают идеологию и практики своей прошлой среды, ищут новую идентичность и находят взаимную поддержку в процессе изменений. Крайне важным направлением является работа с семьями как с естественными группами, ведь семья – ключевой ресурс для ресоциализации. Здесь применяется метод семейных советов, часто через подготовленного посредника (доверенное лицо семьи или самого социального работника). Посредник помогает семье организовать конструктивное обсуждение проблем, не навязывая решений, а стимулируя диалог. Это позволяет выявить семейные ресурсы для поддержки клиента, обнаружить деструктивные паттерны внутри семьи, влияющие на его поведение, и оценить влияние терапии (например, посредник помогает наладить диалог между родителями и подростком (представителем агрессивной молодежной субкультуры), найдя общие цели, вроде получения образования). Более глубокий уровень – семейная терапия, работающая со всей семейной системой как единым организмом.

Помимо работы с уже сложившимися ситуациями, критически важны технологии, ориентированные на конкретные оперативные цели. Социальная профилактика нацелена на предотвращение самого вовлечения в агрессивные среды, особенно среди молодежи из групп риска (подростки из неблагополучных семей, с низкой учебной мотивацией, жертвы травли). Эффективно работают социальное консультирование и патронаж, который обеспечивает раннее выявление проблем и адресную поддержку.

Для тех, кто уже прошел через опыт деструктивной группы, незаменима социальная реабилитация. Ее задача – помочь восстановить утраченные социальные связи, навыки, статус и минимизировать нанесенный ущерб (психологический, социальный).

В особых случаях, когда молодой человек из-за раннего и глубокого вовлечения фактически не имел опыта нормальной социализации, может потребоваться социальная абилитация – формирование с нуля базовых социальных навыков (коммуникация, эмпатия, понимание норм) и просоциальной идентичности, в основном через психолого-социальные методы. Непрерывную поддержку и контроль обеспечивает социальное сопровождение и патронаж, особенно для клиентов высокого риска или находящихся в активной фазе реабилитации. Это включает постановку на учет, регулярные визиты по месту жительства/учебы, оказание разносторонней помощи (от материальной до посреднической) и сопровождение в сложных ситуациях (встречи с бывшими соратниками, взаимодействие с госструктурами).

Таким образом, для эффективной поддержки представителей агрессивных субкультур ключевое значение имеют конкретные социальные услуги, интегрированные в общую стратегию работы. Социально-бытовые услуги помогают решить насущные проблемы, мешающие выходу из среды или ресоциализации, например, получение временного жилья при угрозе безопасности после ухода из группировки или восстановление утраченных документов. Социально-медицинские услуги обеспечивают доступ к необходимому лечению, включая консультации травматолога или нарколога для преодоления последствий насилия или зависимостей. Социально-психологические услуги являются центральными для коррекции последствий участия в субкультуре: индивидуальная и групповая терапия помогает справиться с агрессией, травмами, кризисом идентичности, а тренинги развивают навыки конструктивного общения. Социально-правовые услуги критически важны из-за высоких рисков конфликтов с законом; они включают консультирование о правах и последствиях правонарушений, а также помощь в решении вопросов, связанных с судимостью или трудоустройством.

Одним из авторов (В.Е. Райц) было проведено социологическое исследование «Изучение причин и форм проявления агрессии представителями различных молодежных субкультур» с помощью информационно-коммуникационных технологий в сети Интернет в период с 05.06.2025 до 15.06.2025. Генеральная совокупность – представители субкультур. Выборочная совокупность - круг лиц в возрасте от 18 до 27 лет в количестве 42 человек,

представители молодежных субкультур.

Большинство респондентов составили лица женского пола (54,8%), в то время как доля лиц мужского пола — 45,2%. Выборка исследования имеет ярко выраженный молодежный характер: более половины респондентов (52,4%) находятся в возрасте 18-22 года. Категория 23-26 лет представлена 26,2% опрошенных, а доля лиц старше 27 лет незначительно отстает от прошлой категории — 21,4%. Это распределение соответствует фокусу исследования на молодежных субкультурах.

Анализ субкультурной принадлежности респондентов выявил разнородную картину. Наибольшую долю занимает аниме-сообщество (21,4%). Практически равные группы формируют хип-хоп культура (19,0%) и категория «другое» (19,0%), что указывает на широкий спектр нишевых идентичностей. Значительный вклад вносят спортивные фанаты (16,7%) и панки (14,3%). Наименее представлены кибер-готы (7,1%) и готы (2,4%). Такое распределение без явного доминирующего большинства подчеркивает фрагментированность субкультурного поля в исследуемой выборке.

На вопрос «Сталкивались ли вы с проявлениями агрессии внутри своей субкультуры?» 33,3% опрошенных ответили «иногда», что указывает на периодические столкновения с этим явлением. 28,6% респондентов отметили, что сталкиваются с агрессией «часто». 21,4% участников исследования указали, что сталкиваются с агрессией «редко». Несмотря на это, 16,7% опрошенных ответили «никогда», полностью отрицая опыт столкновения с агрессией в своей субкультурной среде.

По ответам на вопрос «Как чаще всего проявляется агрессия в вашей субкультуре?» видно, что наиболее распространены два вида агрессии: кибербуллинг (травля в Интернете), на который указали 52,4% опрошенных, и вербальные конфликты (оскорбления, угрозы), отмеченные 50% респондентов. Все остальные формы агрессии (физическое насилие — 21,4%, вандализм — 9,5%) встречаются значительно реже. Данные опроса четко указывают на доминирование вербальной (50%) и цифровой (52,4%) агрессии как самых распространенных форм проявления в данной субкультуре, что ставит вопросы о специфике конфликтных взаимодействий и роли онлайн-среды.

По ответам на вопрос «Каковы, по вашему мнению, основные причины агрессии в субкультурах?» видно, что наиболее часто респонденты указывали на «Непонимание со стороны общества» — этот вариант выбрали 47,6% опрошенных. Иные причины отмечались реже: «Конкуренция между группами» и «Влияние лидеров с агрессивным поведением» получили по 21,4% голосов каждый, а «Алкоголь/наркотики» — 9,5%. Респонденты однозначно выделяют «Непонимание со стороны общества» (47,6%) как ключевую причину агрессии, что вдвое превышает указание на конкуренцию или влияние лидеров (по 21,4%). Это указывает на восприятие внешнего давления как основного триггера.

По ответам на вопрос «Как вы лично реагируете на агрессию внутри субкультуры?» видно, что наиболее распространенной стратегией является «Избегание» (стараюсь не вовлекаться), которую выбрали 33,3% респондентов. Значительно реже участники указывали на другие реакции: «Отвечаю жестко» (зеркало агрессии, защищаюсь) — 21,4%, «Ухожу из ситуации» (физически или эмоционально дистанцируюсь) — 19%, «Пытаюсь погасить конфликт» (диалог, компромисс) — 16,7% и «Использую юмор/самоиронию» — 9,5%. Данные показывают, что «Избегание» (33,3%) — доминирующая личная реакция на агрессию внутри субкультуры, существенно опережающая активное противодействие («Отвечаю жестко» — 21,4%) или попытки разрешения конфликта (16,7%). Это свидетельствует о преобладании пассивно-оборонительных стратегий и сложной палитре реакций среди участников, где активное гашение конфликта или использование юмора наименее распространены.

По ответам на вопрос «Какие методы, по вашему мнению, могут снизить уровень агрессии в субкультурах?» (можно было выбрать несколько вариантов) видно, что наиболее популярным методом респонденты считают «Создание позитивных мероприятий (концерты, фестивали)», который выбрали 45,2% участников опроса. «Усиление контроля со стороны авторитетной личности» заняло второе место с 38,1%. Значительно реже выбирались

«Просветительские программы (лекции, тренинги)» (28,6%) и «Медиация (привлечение третьих судей)» (23,8%). Респонденты видят ключ к снижению агрессии прежде всего в организации позитивных мероприятий (45,2%) и усилении контроля авторитетов (38,1%), почти в 2 раза чаще, чем в просвещении (28,6%) или медиации (23,8%). Это указывает на приоритет конструктивного досуга и внутреннего регулирования над формальными процедурами или образовательными подходами в данной среде.

По ответам на вопрос «Есть ли в вашей субкультуре механизмы урегулирования конфликтов?» видно, что большинство респондентов (57,1%) отмечают отсутствие формальных механизмов («Нет, каждый решает сам»). Значительно реже указывались варианты «Да, четкие правила» (19%) и «Затрудняюсь ответить» (23,8%). Доминирование ответа «Нет, каждый решает сам» (57,1%) свидетельствует о децентрализованном подходе к конфликтам, где лишь 19% признают формальные правила. Это ставит вопросы об эффективности саморегуляции и потребности в структурированных решениях.

На вопрос «Как вы относитесь к вмешательству правоохранительных органов в конфликты внутри субкультур?» мнения респондентов разделились. Наибольшая доля (42,9%) выбрала вариант «Зависит от ситуации», что указывает на ситуативную оценку необходимости вмешательства. 38,1% выразили однозначно негативную позицию («Отрицательно, это усугубляет ситуацию»), тогда как только 19% поддержали вмешательство.

По ответам на вопрос «Влияет ли агрессивность субкультуры на ваше желание оставаться в ней?» выявлено, что подавляющее большинство респондентов (69,1%) указали, что агрессия не влияет на их выбор («Нет, это не влияет на мой выбор»). Значительно реже участники отмечали «Да, я задумываюсь о выходе» (21,4%) или «Наоборот, привлекает» (9,5%). Устойчивая лояльность участников (69,1%) доминирует над сомнениями (21,4%), что свидетельствует о глубокой интеграции в субкультуру даже при наличии агрессии. Парадоксально низкий процент тех, кого агрессия привлекает (9,5%), поднимает вопросы о мотивах вовлеченности.

На вопрос «Приходилось ли вам участвовать в разрешении конфликтов внутри субкультуры?» ответы респондентов раскрывают значимую вовлеченность в конфликтные ситуации. Наибольшая доля участников (40,5%) указала на опыт посредничества («Да, как посредник»), что демонстрирует активную роль в урегулировании споров. Еще 28,6% участвовали в конфликтах напрямую («Да, как участник»), в то время как 31% избежали вовлечения («Нет»). Почти 70% респондентов сталкивались с конфликтами (40,5% как медиаторы, 28,6% как участники), что указывает на распространенность практик саморегуляции. Низкая доля «непричастных» (31%) подчеркивает, что конфликты — неотъемлемая часть групповой динамики, где посредничество играет ключевую роль.

Ответы на вопрос «Может ли субкультура существовать без агрессии?» выявили глубокий раскол во мнениях. Ровно 40,5% респондентов уверены в возможности бесконфликтного развития («Да, это возможно»), тогда как другие 40,5% считают агрессию неизбежной («Нет, агрессия неизбежна»). Оставшиеся 19% заняли ситуативную позицию («Зависит от обстоятельств»), подчеркивая важность контекста. Поляризация мнений (40,5% против 40,5%) отражает фундаментальный спор о природе субкультур: является ли агрессия конструктивным элементом идентичности или патологией. Доминирование крайних позиций при минимальном учете нюансов (19%) сигнализирует о потребности в глубоком анализе условий, трансформирующих конфликт из деструктивной силы в инструмент сплочения или наоборот.

По ответам на вопрос «Какие ценности, по вашему мнению, должны продвигаться в субкультурах для снижения агрессии?» видно, что наибольшую поддержку получили «Креативность» (31%) и «Дружелюбие» (28,6%). Остальные варианты отметили реже: «Толерантность» — 26,2%, а «Взаимопомощь» — 14,3%.

На вопрос «Как общество может помочь снизить агрессию в субкультурах?» респонденты выразили явный запрос на активное участие. Подавляющее большинство (81%

в сумме) поддержало вовлеченность общества, выделяя два ключевых направления: организацию диалога между субкультурами и обществом (42.9%) и информирование о субкультурах (38.1%). Лишь 19% выступили за позицию невмешательства («Не вмешиваться»). Данные показывают запрос на диалог и просвещение как основные инструменты снижения агрессии, что напрямую связано с ранее выявленной главной причиной конфликтов — «непониманием со стороны общества».

На вопрос «Считаете ли вы необходимым внешнее вмешательство (со стороны психологов, социальных работников, опытных медиаторов) для снижения агрессии в конфликтных субкультурах?» мнения респондентов разделились, но наибольшая доля (38,1%) выбрала ситуативный подход («Зависит от конкретной ситуации и субкультуры»). 33,3% поддержали необходимость внешней помощи («Да, это необходимо»), тогда как 23,8% выступили за саморегуляцию («Нет, субкультуры должны разбираться сами»). Минимальная группа (4,8%) затруднилась с ответом, что подчеркивает сложность темы. Доминирование условного подхода (38.1%) при значимой поддержке внешнего вмешательства (33.3%) указывает на осторожную открытость к помощи специалистов, но лишь при учете специфики группы. Это созвучно раннему запросу на диалог (42.9%) и информирование (38.1%), а также объясняет скепсис к шаблонным решениям.

В этом направлении исследования молодежных субкультур мы можем выделить положительные и отрицательные тенденции. К положительным тенденциям мы отнесем: 1) необходимость идентификации молодежи, т. е. их объединение и отнесение к определенной социальной группе; 2) развитие субкультуры отражает динамику общества. В частности, если говорить о современной динамике, это трансформация от традиций и ценностей прошлого развития страны к современным цифровым и Интернет-технологиям; 3) субкультурные объединения, направленные на нивелирование насилия и социальных рисков.

Вместе с этим отрицательные тенденции: 1) радикализация и деструктивное поведение приводит к проникновению экстремистских идей, ведущих к агрессии, насилию и киберэкстремизму (вербовка онлайн); 2) нередко внутри групп формируются жесткий конформизм, буллинг за несоответствие «правилам», давление со стороны лидеров; 3) с переходом к Интернет-технологиям возник кибербуллинг (онлайн-травля). С развитием цифровизации появились доксинг (утечка данных), сваттинг (ложная информация в экстренные службы).

Таким образом, для того, чтобы учитывать в социальной работе развитие молодежных субкультур, нужно: 1) их знать; 2) регулярно исследовать и фиксировать изменения, соотношения тенденций (положительных и отрицательных); 3) проводить специализированные занятия с представителями субкультур для социальных работников, которые занимаются молодежью и детьми-подростками; 4) внедрять и проводить регулярные рефлексивные семинары или группы взаимопомощи для молодежи из различных субкультур, фокусируясь на осознании ценностей, личных целей и последствий участия в группе.

Молодежные субкультуры представляют собой закономерный социально-культурный феномен, возникающий в ответ на потребности молодого поколения в идентичности, принадлежности и самовыражении. Исторически они отражают динамику общества – от неформальных движений советского периода до современных цифровых сообществ. Однако определенные субкультурные образования, основанные на идеологии насилия и ненависти, трансформируются из формы самореализации в источник значительных социальных рисков.

Таким образом, феномен агрессивных молодежных субкультур выступает индикатором глубинных социальных проблем. Его преодоление возможно через адресную социальную работу, фокусирующуюся на ресоциализации участников, восстановлении их связей с обществом и создании условий для реализации потенциала конструктивными способами. Инвестиции в эти подходы являются вложением в социальную стабильность и благополучие будущих поколений.

Список использованных источников

1. Аминова, В. А. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 113-118.
2. Бердникова, М. С. Досуг как социокультурное явление студенческой молодежи / М. С. Бердникова, Ж. А. Казорина // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 4(28). – С. 48-55. – DOI 10.22281/2542-1697-2022-01-04-48-55.
3. Бубнова, А. Ю. Социологическое исследование управления информационной компетентностью студентов вуза / А. Ю. Бубнова, Е. Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. – 2017. – № 11(13). – С. 119-126.
4. Воронов, К. А. Теоретический экскурс: политическое поле и определение омнибусного факта в социологической концепции Пьера Бурдьё / К. А. Воронов, Е. Ю. Лупенкова // Практический дискурс высшей школы : Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Брянск, 01 декабря 2016 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2016. – С. 7-10.
5. Гостенина, В. И. Научно-теоретические основы социологического подхода к исследованию социальной реальности / В. И. Гостенина, Ю. А. Кузнецова // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 3(35). – С. 77-85. – DOI 10.22281/2542-1697-2024-03-03-77-85.
6. Гостенина, В. И. Социология управления в транзитивном обществе: теория и опыт эмпирических исследований / В. И. Гостенина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. – 289 с. – ISBN 978-5-16-019093-8. – DOI 10.12737/2086345.
7. Диагностика склонности к девиантному поведению несовершеннолетних как одно из условий профилактики / Т. В. Епремян, Т. Е. Лифанова, В. А. Межуева [и др.] // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. – 2020. – № 1(12). – С. 9-14.
8. Епремян, Т. В. Использование жаргона хиппи как способа репрезентации субкультуры в рекламном дискурсе / Т. В. Епремян, С. А. Шилина // Поливановские чтения. – 2021. – № 15. – С. 32-41.
9. Епремян, Т. В. Отражение системы жанров фольклора молодежной субкультуры в рекламном дискурсе / Т. В. Епремян // Лингвостилистика. Лингвопоэтика. Лингводидактика : Сборник научных статей, посвящённых 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф, акад. РАО Н.М. Шанского, Москва, 23 сентября 2022 года. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2022. – С. 177-188.
10. Епремян, Т. В. Употребление сленга в рекламном дискурсе / Т. В. Епремян // Текст в языковом, историческом, культурном пространстве : Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 22 мая 2022 года / Отв. редактор В.В. Никульцева. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2023. – С. 166-174.
11. Киричек, П. Н. Социальные интенции духовной культуры : Монография / П. Н. Киричек. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2024. – 276 с. – ISBN 978-5-907650-95-4.
12. Косякова, В. П. Культура и ее роль в социальной адаптации и интеграции / В. П. Косякова, А. М. Шилин, С. А. Шилина // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 492-498.
13. Ларина, Т. И. Диагностика отношения к экстремистской тематике на основе анализа невербальных реакций : Учебно-методическое пособие / Т. И. Ларина. – Москва : Постер-М, 2023. – 53 с. – ISBN 978-5-6049990-3-5.
14. Лифанова, Т. Е. Социальная роль цифровизации в становлении всеобщей культуры и ее воздействие на молодежь / Т. Е. Лифанова, Ж. В. Кривоносова, М. В. Ерохов // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 3(31). – С. 49-58. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-03-49-58.

15. Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации российского электората: управленческий анализ : : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Лупенкова Екатерина Юрьевна. – Москва, 2013. – 178 с.
16. Мамедов, А. К. Логос Демоса. Судьба Прометея : от Эсхила до Шелли / А. К. Мамедов, Д. Г. Горлач, М. Е. Горлач. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2023. – 256 с. – ISBN 978-5-317-06928-5.
17. Социология культуры : сборник рабочих программ дисциплин по направлению подготовки 39.06.01 Социологические науки: направленность (профиль) - Социология культуры (уровень аспирантуры) / А. К. Мамедов, И. Н. Чудновская, Э. Д. Коркия [и др.]. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2018. – 146 с. – ISBN 978-5-317-05808-1.
18. Сычева, Е. Ю. Социальные сети в электоральном пространстве России: технологии отражения неструктурированного коллективного действия / Е. Ю. Сычева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 206-226. – DOI 10.22394/2071-2367-2020-15-3-206-226.
19. Шилина, С. А. Коммуникативное поле дискурса культурного кода в условиях цифровизации / С. А. Шилина // Роль социологии в конструировании России будущего. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2023. – С. 502-506.

Сведения об авторах

Гостенина Валентина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: v.gostenina@yandex.ru. Рабочий телефон: +74832 580520 (1231)

Лифанова Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: lifanovargsu@mail.ru. Рабочий телефон: +74832 580520 (1231)

Райц Валерия Евгеньевна – студент направления подготовки «Социальная работа» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: rrrr265@gmail.com.

UDC 316.7(075.8)

SOCIOLOGICAL STUDY OF YOUTH SUBCULTURES AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Gostenina V.I., Lifanova T.E., Raits V.E.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article discusses the current problem of youth subcultures as an integral part of the modern socio-cultural landscape. The authors consider the functions of subcultures: ensuring socialization, localizing protest, stimulating cultural diversity and innovation. At the same time, the article also shows the risks (marginalization, conflicts). The authors believe that the study of subcultures among young people is critically important for understanding the dynamics of modern society and the mechanisms of group identity formation. The article examines the concept, types and history of subcultures. The authors believe that a subculture is a stable subsystem within the dominant culture that unites groups of people (often young people) based on specific values, norms, lifestyles, symbols, and practices that differ from the generally accepted ones. Subcultures emerge as a response to social, economic, or cultural changes, as well as the need for self-expression, protest, or the search for identity outside of mainstream society. Despite its complexity and resilience, modern society is vulnerable to the challenges posed by aggressive youth subcultures. Their activities are not limited to marginal behavior; they pose deep and multidimensional threats that can undermine the fundamental principles of society. Therefore, a sociological study was conducted to identify the negative and positive aspects of youth subcultures, and recommendations were made to address these threats through the use of social technologies.

Keywords: subculture, youth, risks, aggression, sociological research, social technologies.

References

1. Aminova, V. A. On the Term «Subculture» // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2013. No. 2. Pp. 113-118.
2. Berdnikova, M. S. Leisure as a Sociocultural Phenomenon of Student Youth / M. S. Berdnikova, Zh. A. Kazorina // Economics. Sociology. Law. – 2022. – No. 4(28). – Pp. 48-55. – DOI 10.22281/2542-1697-2022-01-04-48-55.
3. Bubnova, A. Yu. Sociological Research of the Management of Information Competence of University Students / A. Yu. Bubnova, E. Yu. Sycheva // Scientific Journal Discourse. – 2017. – No. 11(13). – Pp. 119-126.
4. Voronov, K. A. Theoretical Excursus: The Political Field and the Definition of the Omnibus Fact in Pierre Bourdieu's Sociological Concept / K. A. Voronov, E. Yu. Lupenkova // Practical Discourse of Higher Education: Collection of Papers from the International Scientific and Practical Conference, Bryansk, December 1, 2016. – Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2016. – Pp. 7-10.
5. Gostenina, V. I. Scientific and Theoretical Foundations of the Sociological Approach to the Study of Social Reality / V. I. Gostenina, Yu. A. Kuznetsova // Economics. Sociology. Law. – 2024. – No. 3(35). – Pp. 77-85. – DOI 10.22281/2542-1697-2024-03-03-77-85.
6. Gostenina, V. I. Sociology of Management in a Transitional Society: Theory and Experience of Empirical Research / V. I. Gostenina. – Moscow: Scientific and Publishing Center INFRA-M LLC, 2025. – 289 p. – ISBN 978-5-16-019093-8. – DOI 10.12737/2086345.
7. Diagnosis of the propensity for deviant behavior in minors as one of the conditions for prevention / T. V. Yepremyan, T. E. Lifanova, V. A. Mezhyueva [et al.] // Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research. – 2020. – No. 1(12). – Pp. 9-14.
8. Yepremyan, T. V. The Use of Hippie Jargon as a Means of Representing a Subculture in Advertising Discourse / T. V. Yepremyan, S. A. Shilina // Polivanov Readings. – 2021. – No. 15. – Pp. 32-41.
9. Yepremyan, T. V. Reflection of the System of Folklore Genres of Youth Subculture in Advertising Discourse / T. V. Yepremyan // Linguostylistics. Linguopoetics. Linguodidactics: Collection of Scientific Articles Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Dr. Philol. Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Education N.M. Shansky, Moscow, September 23, 2022. – Moscow: Moscow Financial and Law University of the Financial University, 2022. – Pp. 177-188.
10. Yepremyan, T. V. The Use of Slang in Advertising Discourse / T. V. Yepremyan // Text in the Linguistic, Historical, and Cultural Space: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 22, 2022 / Edited by V. V. Nikultseva. – Moscow: Moscow Financial and Law University of the Moscow Financial and Law Academy, 2023. – Pp. 166-174.
11. Kirichek, P. N. Social Intentions of Spiritual Culture: A Monograph / P. N. Kirichek. – Moscow: Moscow University for the Humanities, 2024. – 276 p. – ISBN 978-5-907650-95-4.
12. Kosyakova, V. P. Culture and Its Role in Social Adaptation and Integration / V. P. Kosyakova, A. M. Shilin, and S. A. Shilina // Current Issues in Modern Science: A Young Scientist's Perspective. – Bryansk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2023. – Pp. 492-498. –
13. Larina, T. I. Diagnostics of Attitude to Extremist Themes Based on the Analysis of Nonverbal Reactions: Educational and Methodological Guide / T. I. Larina. – Moscow: Poster-M, 2023. – 53 p. – ISBN 978-5-6049990-3-5.
14. Lifanova, T. E. The Social Role of Digitalization in the Formation of Universal Culture and Its Impact on Young People / T. E. Lifanova, Zh. V. Krivonosova, and M. V. Erokhov // Economics. Sociology. Law. – 2023. – No. 3(31). – Pp. 49-58. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-03-49-58.
15. Lupenkova, E. Yu. Value Orientations of the Russian Electorate: Managerial Analysis : Speciality 22.00.08 "Sociology of Management" : Dissertation for the Degree of Candidate of

Sociological Sciences / Lupenkova Ekaterina Yurievna. – Moscow, 2013. – 178 p.

16. Mamedov, A. K. Logos of the Demos. The Fate of Prometheus: From Aeschylus to Shelley / A. K. Mamedov, D. G. Gorlach, and M. E. Gorlach. Moscow: MAKS Press LLC, 2023. – 256 p. – ISBN 978-5-317-06928-5.

17. Sociology of culture : collection of work programs of disciplines in the field of training 06/39.01 Sociological sciences: orientation (profile) - Sociology of culture (postgraduate level) / A. K. Mammadov, I. N. Chudnovskaya, E. D. Korkia [et al.]. – Moscow: LLC "MAX Press", 2018. – 146 p. – ISBN 978-5-317-05808-1.

18. Sycheva, E. Y. Social networks in the electoral space of Russia: technologies for reflecting unstructured collective action / E. Y. Sycheva // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2020. – Vol. 15, No. 3. – pp. 206-226. – DOI 10.22394/2071-2367-2020-15-3-206-226.

19. Shilina, S. A. The Communicative Field of the Cultural Code Discourse in the Context of Digitalization / S. A. Shilina // The Role of Sociology in the Construction of Russia's Future. – Moscow: MAKS Press LLC, 2023. – Pp. 502-506.

Author's information

Gostenina Valentina Ivanovna - Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Sociology and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: v.gostenina@yandex.ru. Work phone: + 84832 580520 (1231)

Lifanova Tatiana Evgenievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Sociology and Social Work of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: lifanovargsu@mail.ru. Work phone: +74832 580520 (1231)

Raits Valeria Evgenievna - is a student of the Social Work Department of the Faculty of Pedagogy and Psychology at Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: rrerr265@gmail.com.